С.И. Горбачевская

ПРАВОСЛАВНЫЙ МИР РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; sgaeiou@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы научной критики художественного перевода. Материалом исследования стали переводы рассказов. Цель исследования — на основе анализа роли православных понятий и реалий в структуре содержания рассказов определить духовные смысловые доминанты анализируемых текстов, включающие эмоциональные, оценочные и прагматические компоненты, и найти алгоритм их переводческой интерпретации, который может стать отправной точкой для поиска релевантных переводческих эквивалентов и для конструктивно-критического анализа готового художественного перевода. Выбранная стратегия базируется на категориально ориентированной модели анализа текста оригинала, а именно обращение к способам передачи категорий автора, хронотопа и динамики текста, самых важных в жанре рассказа. Категория автора, авторские интенции, скрытая динамика составляют сложную структуру подтекста. Данный феномен чеховских рассказов является главной переводческой проблемой и требует глубокого анализа. Специфические языковые проблемы связаны с неверной интерпретацией отдельных ситуаций и неадекватным подбором лексики.

Ключевые слова: художественный перевод, модель перевода, стратегия перевода, конструктивно-критический анализ перевода, категория автора, хронотоп, динамика текста

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-11

Для цитирования: Горбачевская С.И. Православный мир рассказов А.П. Чехова в немецких переводах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 167–178. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-11

Как писал протоиерей Александр Шмеман, Православие — это «не столько догматические определение и учение Восточной церкви,

Горбачевская Светлана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; sgaeiou@yandex.ru

© Горбачевская С.И., 2026

сколько то основное миропонимание и тот опыт, что стоят за ними, образуя живой, ‘экзистенциальный’ контекст» [Шмеман: URL]. Это единство в духе, особое духовное состояние верующих. Мир Православия — естественная среда, в которой живут герои рассказов А.П. Чехова, — до сих пор вызывает живой интерес переводчиков. Каждое новое поколение пытается открыть «своего» Чехова.

Материалом исследования стали переводы на немецкий язык двух рассказов писателя, отражающих жизнь России конца XIX — начала XX века: «Студент» (1894) в двух вариантах и рассказ «Архиерей» (1902) в трех вариантах перевода. Тексты переводов были опубликованы в разный временной период (1960, 1978 и 2016 гг.) и отражали не только результаты осмысления чеховских текстов переводчиками, но и состояние немецкого языка то время. Нам интересны были случаи вариативности переводческих решений при передаче духовно-публицистической составляющей образа автора и православных понятий и реалий, и мы пытались определить духовные смысловые доминанты анализируемых текстов, включающие эмоциональные, оценочные и прагматические компоненты.

Мировосприятие писателя определяет особенности его идиостиля. Типичная для Чехова тема духовных перемен переплетается в каждом его произведении с темой сострадания и милосердия, что отмечали еще современники писателя. Русский религиозный философ С.Н. Булгаков сравнивал художественную манеру Чехова с приемами «вдумчивого экспериментатора», который исследует российскую действительность, но ведет себя при этом не как равнодушный и холодный «регистратор жизни», который ставит различные опыты, чтобы выяснить суть этого феномена, а как мыслитель с душей, чье сердце «болит и любит, и истекает кровью от сострадания». Особенно поражала Булгакова мягкость и снисходительность Чехова в отношении к действующим лицам своих произведений [Булгаков, 2002: 548]. Известный своей острой критикой литераторов Д.С. Мережковский признавался, что с первых страниц чеховских рассказов инстинктивно привязывается к его героям, какими бы незначительными и ничтожными они ни казались, и начинает «от всей души сочувствовать их микроскопическому горю», а в конце рассказа ему «почти жаль расстаться с действующими лицами» [Мережковский, 2002: 60].

Чехов сочувствует даже своим отрицательным персонажам, а в положительных героях, видящих торжество зла, призывающих к мужественной и активной борьбе с ним и твердо верящих в грядущую победу добра, открыто проявляются характер и мировоззрение

самого писателя, так что трудно бывает определить, где кончается этот герой и уже начинается автор. Кроме того, критики отмечают как редкое качество повествования созвучие состояния души героев и состояние окружающего мира, где природа участвует в развитии сюжета. Наши современники, говоря о художественной системе А.П. Чехова, обращают внимание на «импрессионистический» чеховский стиль и «разветвленную систему подтекста» [Химич, 2004: 33–35]. К этому хотелось бы добавить особую публицистичность и кинематографичность чеховских рассказов.

Как считают переводоведы, о процессе перевода до сих пор известно лишь немногое, поскольку его наиболее существенный этап — это умственные действия, которые протекают в голове переводчика и практически недоступны стороннему наблюдателю и исследователю, которому «приходится ограничиваться некоторыми косвенными данными (в основном результатами самонаблюдения опытных переводчиков, их предположениями), дополняя и связывая их логическими рассуждениями» [Латышев, Семенов, 2005: 152]. Здесь может помочь метод моделирования, т.е. способ изучения предмета в тех случаях, когда непосредственное наблюдение его устройства невозможно или крайне затруднительно [Марчук, 2010: 14]. В лингвистике моделирование обозначает как схематичное создание модели какой-либо языковой единицы, так и ее изучение.

К художественному переводу исследователи относятся с особым трепетом, поскольку здесь «перевод каждого слова, каждой реплики, каждого предложения зависит от идейно-художественного замысла автора, от особенностей его индивидуального стиля, от интонации и ритмомелодики целого и отдельных частей повествования, от речевых характеристик персонажей» [Рецкер, 2004: 29]. Автор организует свой текст, ориентируясь на свою авторскую индивидуальность, и пишет его не только для читателя, но и для себя — «ему необходим этот текст как средство самовыражения» [Алексеева, 2004: 314]. И читатель, в свою очередь, получает соответствующую информацию в зависимости от своей готовности воспринимать данный текст. Как образно выразился Ю.М. Лотман, текст «ведет себя как некоторый живой организм, находящийся в обратной связи с читателем и обучающий этого читателя» [Лотман, 2005: 35]. Поэтому при анализе художественного текста и его перевода особое внимание уделяется подтексту, его сложной разноуровневой и взаимосвязанной структуре.

Критик перевода так же интерпретирует текст перевода, как и переводчик — текст оригинала. Научная критика перевода — один

из аспектов прикладного переводоведения, важный для развития и совершенствования, как теории, так и практики переводческой деятельности [Костикова, 2003]. Л.С. Выготский писал о воспитательной роли критики и подчеркивал, что задача критики только наполовину принадлежит к эстетике, наполовину это — общественная педагогика и публицистика [Выготский, 1986: 321].

Выбранная нами стратегия конструктивно-критического анализа переводов рассказов А.П. Чехова базируется на категориально ориентированной модели возможного переводческого анализа текста оригинала. В первую очередь, это обращение к способам передачи категорий автора, хронотопа и динамики текста, с нашей точки зрения, самых важных в жанре рассказа как одного из инструментов и комплексных образцов языковой коммуникации, которые появились в языковом сообществе в ходе общественно-исторического развития [Brinker, 1997: 126]. Интерпретация выбранных категорий в тексте оригинала помогает определить требования к их эквивалентной репрезентации в тексте перевода и наиболее четко выявить несоответствия содержания текста оригинала и имеющегося текста перевода [Горбачевская, Меркиш, 2020: 102].

Основные параметры рассказа — это небольшой объем, сжатый характер хронотопа, явно или имплицитно напряженная динамика повествования, ненавязчивое присутствие биографического автора, большое количество средств художественной выразительности.

В художественном тексте средства передачи всех категорий тесно переплетены между собой. Например, в каждом чеховском рассказе природная среда — это часть хронотопа, и одновременно она не только фон событий повествования, но и камертон настроений и чувств героев, в ней отражается лирическое «Я» автора — своеобразный монолог, обращенный и к читателю, и к самому себе. То есть картины природы помогают раскрыть категорию автора. Тема духовного преображения подчеркивается одухотворенным преображением природы и преломляется в категории динамики повествования. Православный мир — неотъемлемая составная часть этого преображения, и, конечно, важно, чтобы это почувствовали те, кто собирается переводить рассказы Чехова. Поэтому и основные проблемы, с которыми встретились немецкие переводчики, были связаны не только с культурно-исторической спецификой времени их написания и понятиями и реалиями, которые входят в структуру подтекста и требуют основательного анализа и фоновых знаний. Категория автора, авторские интенции, скрытая динамика как раз и составляют сложную структуру подтекста. Именно этот феномен

чеховских рассказов является главной переводческой проблемой и требует глубокого анализа. Специфические языковые проблемы связаны с неверной интерпретацией отдельных ситуаций и неадекватным подбором лексики. Приведем несколько примеров.

Рассказ «Студент» (1894 г.), по воспоминаниям родных и друга А.П. Чехова писателя И.А. Бунина, был любимым его рассказом. Вечером холодной страстной пятницы студент духовной академии Иван Великопольский по дороге домой подходит погреться к костру, который развели на своем огороде две вдовы, и вспоминает евангельскую историю, когда так же в холодную ночь в ожидании суда первосвященника над Иисусом грелся у костра апостол Петр и, испугавшись расспросов, три раза отказался от Него. Рассказ студента оказывает такое сильное эмоциональное воздействие на женщин и на него самого, что он вдруг ощущает, что их всех в этот момент посетило некое откровение о единстве времени и непрерывной связи прошлого с настоящим. И жизнь кажется ему чудесной и полной высокого смысла.

Можно предположить, что это не просто рассказ-зарисовка, а пасхальный рассказ-проповедь. В нем автор присутствует как сочувствующий, сопереживающий, одухотворяющий природу рассказчик, который открывает нам духовную связь прошлого и настоящего в их простой обыденности. Поэтому при определении стратегии его перевода следует обратить внимание на передачу этих оттенков авторских интенций, а также на представленные автором картины природы, тесно связанные с настроением его героя.

Например, потрясающим по выразительности является описание предпасхального холодного, неуютного вечера и душевного уныния студента в начале рассказа, когда он ***думал*** *о том, что точно такой же* ***ветер дул*** *и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре и что при них* ***была*** *точно такая же лютая бедность, голод; такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета — все эти ужасы* ***были,*** *есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше.*[1]

В переводе Райнхольда фон Вальтера (Reinhold von Walter, 1960) это состояние размышления подчеркнуто модальностью необходимости — студент не может не думать об этом: *Der Student … **musste** nun daran denken, dass genau der gleiche Wind zu Rjuriks Zeiten **geweht hatte**, dann auch zu den Zeiten des grimmen Iwan, auch unter dem Za-*

[1] *Чехов А.П.* Собрание сочинений в 12 томах. Т.7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 366–367.

ren Peter, und dass unter diesen Fürsten genau das gleiche Elend und der Hunger ***herrschten****; auch damals — dieselben durchlöcherten Strohdächer, Unbildung, dumpfer Kummer; dieselbe Öde ringsum, die gleiche Finsternis; das Gefühl, unter einem ewigen Druck dahinzuleben — alle diese fürchterlichen Dinge* ***waren****, sind und werden sein, und wenn auch tausend Jahre darüber vergehen, das Leben wird nie besser werden.* [2]

Такую же безысходность почувствовал и переводчик Кай Боровский (Kay Borowsky, 1978): *(Und jetzt) …****musste*** *der Student daran denken, dass genau der gleiche Wind…****geweht*** *und dass …die gleiche bittere Armut und der gleiche Hunger* ***geherrscht hatten****… all diese Schrecken* ***gab*** *es, gibt es und wird es immer geben, und davon, dass noch einmal tausend Jahre vorübergehen, wird das Leben nicht besser werden.*[3]

Но он передает евангельские события, используя плюсквамперфект, как бы противопоставляя одну временную ось другой, а Р. фон Вальтер, употребляя стержневые глаголы в претерите, связывает эти события в одну ткань повествования.

Речь главного героя, внешняя и внутренняя, богатая эмоциональными оттенками, определяет динамику развития действия и противопоставлена речевому поведению женщин. Одна произносит всего две коротких фразы, а другая выражает свои чувства только мимикой и жестами. Если сравнить два перевода фразы: *Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!*[4], то очевидно, что К. Боровский, используя и графику (восклицательные знаки), и парцелляцию, и причастную конструкцию модального глагола, передал эту динамику точнее и глубже: *Ach, was war das für eine schreckliche Nacht, Mütterchen! Eine unbeschreiblich trostlose, nicht enden wollende Nacht!* [5]

Вариант перевода Р. фон Вальтера менее эмоциональный и менее динамичный, что видно уже из знаков препинания — запятых, которыми отмечена интонация перечисления, — и спокойной точки в конце: *Ach, was war das doch für eine furchtbare Nacht, Großmutter, eine überaus drückende, lange Nacht.* [6]

Даже коннотация обращения *Mütterchen* у К. Боровского звучит задушевнее, чем нейтральное *Großmutter* у Р. фон Вальтера.

---

[2] *Tschechow A.P.* Rotschilds Geige. Erzählungen. Aus dem Russischen übersetzt und herausgegeben von Reinhold von Walter. Freiburg im Breisgau: Herder KG, 1960. S. 62–63.

[3] *Tschechow A.* Erzählungen. Übersetzung von Kay Borowsky. Stuttgart: Reclam, 1978. S. 106–107.

[4] *Чехов А.П.* Указ. соч. Т. 7. С. 367.

[5] *Tschechow A.* 1978. Op. cit. S. 107.

[6] *Tschechow A.P.* 1960. Op. cit. S. 63.

Рассказ «Архиерей» был опубликован в 1902 г., когда тема смерти все чаще появлялась в произведениях Чехова. Это еще одна пасхальная история на страстной седмице, рассказ-исповедь, рассказ в рассказе о преосвященном викарии епископе отце Петре, умном, преданном своему служению, добром, любящем и тяжело больном человеке, нашедшем смысл жизни на духовном поприще. Здесь мы сравнили три перевода: 1960 г. (Райнхольд фон Вальтер / Reinhold von Walter), 1978 (Кай Боровский / Kay Borowsky), 2016 г. (Барбара Конрад / Barbara Conrad).

Повествование состоит из череды нахлынувших воспоминаний человека перед смертью, сменяющих друг друга как кадры кинематографа. Стратегией перевода и, соответственно, конструктивной критики можно выбрать передачу этой кинематографичности авторского повествования, в котором фиксируются наиболее важные моменты жизни епископа Петра.

Автор подчеркивает силу любви этого человека к церкви и всему, что с ней связано, называя ее неискоренимой, а ощущение отцом Петром себя на службе деятельным, бодрым, счастливым:…*любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врожденной, глубокой,* ***неискоренимой****; в церкви он, особенно когда сам участвовал в служении, чувствовал себя* ***деятельным****,* ***бодрым, счастливым****.*[7]

Градацию предикатов в конце предложения, передающих подъем состояния души отца Петра, сохранил и абсолютно адекватно передал Р. фон Вальтер: …*seine Liebe für die Gottesdienste in der Kirche, für den geistlichen Stand, für das Glockengeläute war ihm eingeboren, war* ***tief eingewurzelt*** *in ihm und* ***unausrottbar****. In der Kirche fühlte er sich, besonders wenn er selber amtierte,* ***tätig****,* ***rüstig, glücklich****.*[8]

К. Боровскому не удалось сохранить эту четкость оригинала в сопоставлении частей речи — вместо легкого прилагательного он использовал тяжеловесное словосочетание: …*seine Liebe zum kirchlichen Dienst, zur Geistlichkeit, zum Klang der Glocken war ihm eingeboren und* ***tief*** *und* ***fest*** *in ihm* ***verwurzelt****; in der Kirche, besonders, wenn er selbst am Gottesdienst teilnahm, war er* ***voll Tatendrang, wohlgemut und glücklich.***[9]

Б. Конрад отказалась от приема градации, а подчеркнула модальной частицей **ja** счастье как высшее состояние души: *Seine Liebe zu den Gottesdiensten, zur Geistlichkeit, zum Klang der Glocken war*

---

[7] *Чехов А.П.* Указ. соч. Т. 8. С. 469.

[8] *Tschechow A.P.* 1960. Op. cit. S. 57–58.

[9] *Tschechow A.* 1978. Op. cit. S. 300

ihm angeboren, sie war tief und ***fest verwurzelt****; in der Kirche fühlte er sich, besonders wenn es die Messe mit zelebrierte,* ***frisch und munter, ja glücklich.***[10]

Динамика эмоционально-экспрессивных выражений в рассказе очень разнообразная и соотносится с характеристикой персонажей. Самые теплые, добрые слова автор подбирает для высказываний отца Петра, например, невольное радостное восклицание, когда тот получает известие о приезде матери: *Это, значит, я ее в церкви видел давеча!* ***О господи!***[11] В русском языке данное речевое клише может быть выражением радости, удивления, неожиданности, досады.

Каждый переводчик интерпретировал эту прагматику по-своему. Р. фон Вальтер перевел данное восклицание с оттенком «не верится, не может быть»: *Das heißt also, ich habe sie vorhin in der Kirche gesehen!* ***O Gott****!* [12] К. Боровский передал выражение удивления и искренней радости: *Dann habe ich sie also doch vorhin in der Kirche gesehen?* ***O mein Gott!*** [13] Б. Конрад подчеркнула выражение удивления: *Da habe ich sie also doch eben in der Kirche gesehen!* ***Mein Gott!***[14]

Православные понятия и реалии естественным образом входят в ткань повествования в чеховских рассказах, сделать их такими же естественными в структуре содержания немецких переводов, конечно, очень сложно, поскольку в мире немецкого языка доминируют понятия других христианских конфессий. Названия православных церковных служб, ритуалов, звания, должности, одежда, головные уборы православного духовенства и т.п. представляют собой определенные переводческие трудности и проблемы, поскольку для них в немецком языке нет однозначного перевода. Как алгоритм их переводческой интерпретации можно предложить транскрипцию и соответствующие комментарии переводчика, что, к сожалению, очень редко встречалось в немецких переводах.

Подводя итог проведенной апробации нашей модели категориально ориентированного конструктивно-критического анализа перевода жанра рассказа, хотелось бы, в первую очередь, подчеркнуть необходимость раскрытия и адекватной передачи средств выражения категории автора, которая определяет эмоциональный фон и все оттенки модальности текста, что особенно важно при

---

[10] *Tschechow A.* Die Dame mit dem Hündchen. Erzählungen 1896–1903. Aus dem Russischen neu übersetzt von Vera Bischitzky u.a. München: dtv, 2016. S. 431.

[11] *Чехов А.П.* Указ. соч. Т. 8. С. 458.

[12] *Tschechow A.P.* 1960. Op. cit. S. 42.

[13] *Tschechow A.* 1978. Op. cit. S. 287.

[14] *Tschechow A.* 2016. Op. cit. S. 416.

учете его особой чеховской публицистичности. Представляется, что именно категория автора связана с разработкой стратегии и, соответственно, критики перевода, поскольку она чаще всего доминирует в тексте. Хронотоп рассказов, как правило, сжат в пространстве и во времени и ограничивается какими-то внешними рамками. Категория динамики в чеховских текстах представлена часто в кинематографичном переплетении фрагментов рассказа в рассказе или реплик героев и связана, в первую очередь, с проблемой духовной перемены в человеке.

Для перевода любого текста, а художественного — в особенности, вообще нет заранее определенных «рецептов», потому что одни и те же факторы и параметры текста являются для одного переводчика «камнем преткновения», а для другого не составляют никакого труда. Творческие возможности и поведение любого человека очень трудно предсказать заранее, а язык как средство человеческого общения невозможно разложить на составляющие и до конца исследовать. Поэтому такая проблема как тайна писательского и переводческого творчества будет существовать вечно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филолог. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб: Филологический факультет СПбГУ. М.: Академия, 2004.
2. *Булгаков С.Н.* Чехов как мыслитель // А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887–1914). Антология. Сост. Сухих И.Н. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2002. С. 537–565.
3. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: «Искусство», 1986.
4. *Горбачевская С.И., Меркиш Т.А.* Уровни переводческого анализа текста короткого рассказа (из опыта перевода рассказов В. Борхерта на русский язык) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 97–105.
5. *Костикова, О.И.* Интерпретация как основа деятельности критика переводов (К вопросу о переводе заглавия романа «Преступление и наказание») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 4. С. 42–51.
6. *Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005.
7. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство — СПБ», 2005. С. 14–285.
8. *Марчук Ю.Н.* Модели перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Академия, 2010.

9. *Мережковский Д.С.* Старый вопрос по поводу нового таланта // А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887–1914). Антология. Сост. Сухих И.Н. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2002. С. 55–79.

10. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р.Валент, 2004.

11. *Химич В.В.* О художественной системе А.П. Чехова // Филологический класс. 2004. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-hudozhestvennoy-sisteme-a-p-chehova (дата обращения: 20.10.2025).

12. *Шмеман Александр*, протопресвитер. Православный мир: прошлое и настоящее URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/pravoslavnyj-mir-proshloe-i-nastojashee (дата обращения: 01.11.2025).

13. *Brinker K.* Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 4. Aufl. Berlin: Schmidt, 1997.

Svetlana I. Gorbacevskaja

THE ORTHODOX WORLD OF CHEKHOV'S SHORT STORIES IN GERMAN TRANSLATIONS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sgaeiou@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problems of scientific criticism of literary translation. The research material was translations of short stories. The purpose of the study is to determine the spiritual semantic dominants of the analyzed texts, including emotional, evaluative and pragmatic components, based on the analysis of the role of Orthodox concepts and realities in the structure of the content of the stories, and to find an algorithm for their translation interpretation, which can become a starting point for searching for relevant translation equivalents and for constructive and critical analysis of the finished literary translation. The chosen strategy is based on a categorically oriented model of analysis of the original text, namely, an appeal to the ways of transmitting the categories of the author, chronotope and text dynamics, the most important in the genre of the story. The author's category, author's intentions, and hidden dynamics make up the complex structure of the subtext. This phenomenon of Chekhov's short stories is the main translation problem and requires an in-depth analysis. Specific language problems are associated with misinterpretation of individual situations and inadequate vocabulary selection.

Keywords: artistic translation, translation model, translation strategy, constructive and critical analysis of translation, author's category, chronotope, text dynamics

For citation: Gorbacevskaja S.I. (2026) The Orthodox world of Chekhov's short stories in German translations. *Lomonosov Linguistics and Intercultural*

Communication Journal, no. 1(29), pp. 167–178. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-11 (In Russ.)

About the author: Svetlana I. Gorbacevskaja — PhD in Philology, Associate Professor at Department of German language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; sgaeiou@yandex.ru

REFERENCES

1. Alekseeva I.S. 2004. *Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlia stud. filolog. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij* [Introduction to Translation Studies: Textbook for student of philology and linguistic faculty of higher education] Saint Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moscow, Akademiia. (In Russ.)

2. Bulgakov S.N. 2002. Chekhov kak myslitel' [Chekhov as a thinker]. In Sukhikh I.N. (ed.). *A.P. Chekhov: pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX — nachala XX v. Antologiia* [A.P. Chekhov: pro et contra. Chekhov's creative work in Russian Thought of the late 19th — early 20th centuries (1887–1914). The anthology]. Saint Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyj institut, pp. 537–565. (In Russ.)

3. Vygotskii L.S. 1986. *Psikhologiia iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, «Iskusstvo». (In Russ.)

4. Gorbachevskaja S.I., Merkish T.A. 2020. Urovni perevodcheskogo analiza teksta korotkogo rasskaza (iz opyta perevoda rasskazov V. Borkherta na russkii jazyk) [Short Story Text Translation Analysis Levels (based on the Experience of Translating W. Borchert's Stories into Russian)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 97–105. (In Russ.)

5. Kostikov O.I. 2003. Interpretaciia kak osnova deiatel'nosti kritika perevodov (K voprosu o perevode zaglaviia romana «Prestuplenie i nakazanie») [Interpretation as a basis for criticism of translations (On the issue of translating the title of the novel "Crime and Punishment")]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 42–51. (In Russ.)

6. Latyshev L.K., Semenov A.L. 2005. *Perevod: teoriia, praktika i metodika prepodavaniia: ucheb. posobie dlia stud. perevod. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Translation: theory, practice and teaching methods: a study manual for translation faculty students]. Moscow, Akademiia. (In Russ.)

7. Lotman Iu.M. 2005. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of a literary text]. In Lotman Iu.M. *Ob iskusstve* [About Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo, pp. 14–285. (In Russ.)

8. Marchuk Iu.N. 2010. *Modeli perevoda: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniia* [The models of translation: a study manual for higher education students]. Moscow, Akademiia. (In Russ.)

9. Merezhkovskii D.S. 2002. Staryi vopros po povodu novogo talanta [An old question about a new talent] In Sukhikh I.N. (ed.). *A.P. Chekhov: pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX — nachala XX v. Antologiia* [A.P. Chekhov: pro et contra. Chekhov's creative work in Russian Thought of the late 19th — early 20th centuries (1887–1914). The anthology]. Saint Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyj institut, pp. 55–79. (In Russ.)

10. Retsker Ia.I. 2004. *Theoriia perevoda i perevodcheskaia praktika. Ocherki linguisticheskoi teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moscow, R.Valent. (In Russ.)

11. Khimich V.V. 2004. O khudoshestvennoi sisteme A.P. Chekhova [About the artistic system of A.P. Chekhov]. *Filologicheskii klass*, no. 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-hudozhestvennoy-sisteme-a-p-chehova (accessed: 20.10.2025). (In Russ.)

12. Shmeman Aleksandr, protopresviter. *Pravoslavnyi mir: proshloje i nastoiashchee* [The Orthodox World: Past and Present]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/AleksandrShmeman/pravoslavnyj-mir-proshloe-i-nastojashee (accessed: 01.11.2025). (In Russ.)

13. Brinker K. 1997. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 4. Aufl.* Berlin: Schmidt. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию 04.11.2025;
одобрена после рецензирования 03.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 04.11.2025;
approved after reviewing 03.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.